

чудеса от образа „больша умножишася“. Новым препятствием к достижению цели — Рязанской земли — теперь оказывается Евстафиева жена: „устрелена бранью вражьею“, она так „возлюбила“ Великий Новгород, что не захотела „йти во слѣд чудотворнаго образа“ и скрылась от мужа; пораженная за это внезапной болезнью, она выздоравливает после новой молитвы случайно извещенного об этой ее болезни мужа перед все тем же Николиным образом. Наконец, путешественники, „хотя дойти желаемого“, достигают Рязанской земли. У самой, однако, цели сам Евстафий поддается новому искушению. Забыв „прежние чудотворцевы видѣнія“, он „нача в себе помышляти“: вот она, Рязанская земля, куда же мне тут направиться, чтобы обрести наконец покой („камо хоцю ити и покой обрести“). Но „бог творит чудеса угодником своим, елико хоцет“: Никола извещает во сне рязанского князя Федора о приходе своего образа, веля ему итти „во сретение“ и обещая в награду „венец царствия небеснаго“ ему самому, его жене и сыну. Проснувшись в страхе и недоумевая, о чьих венцах идет речь — „аз бо ни браку сочется, ни плода чрева имѣх“, — князь Федор спешит, однако, навстречу образу, узнав его издалека по блистанію „света неизреченнаго“, и „прия любезно и принесе во область свою“. Извещенный о происшедшем великий князь Юрий Ингоревич благодарит бога, „яко посети людей своих“, идет „во область“ к сыну, взяв с собою епископа Ефросина Святогорца, и строит там храм во имя Николы Корсунского, который и освящает пришедший вместе с великим князем епископ. Вскоре князь Федор вступает в брак, взяв „супругу царскаго рода“ именем Евпраксию, „и помале сына роди, именем Иоанна Постника“.

С новой датой — 6745 (1237) г. открывается дальнейший рассказ о том, как сбылось то, что предсказал Никола князю Федору. В указанном году этот князь „убіен бысть“ Батьем „на рѣцѣ на Воронажѣ“. Услышав об этом, Евпраксия „абие“ ринулась „из превысокаго храма своего“, с сыном на руках, „на средю земли и заразися до смерти“. „К великому чудотворцу Николѣ Корсунскому“ приносят тело убитого князя и кладут его, с женой и сыном, „во едином мѣстѣ“, а над ними ставят „три кресты каменны“. „И от сея вины“, поясняет Повесть, великий чудотворец Никола зовется Заразским, „яко благовѣрна княгини Евпраксия и с сыном со князем Иваном сами себя заразиша“. Этим типичным эпилогом местных генетических легенд заканчивается первая часть Повести.

Вторая часть Повести снова открывается датой — 6745 (1237) годом, т. е. во второй раз приводимой датой Батыева нахождения, которое затем и изображается в сходных с летописями чертах, как наказание „за грехи наша“. В ответ на требование от „послов бездѣльных“ уплатить „во всем десятину“, рязанский великий князь Юрий Ингоревич созывает на совещание „братью свою“ — Олега Ингоревича Красного, Давида Ингоревича Муромского, своего сына Федора Юрьевича, Всеволода Пронского и „прочіих князей местных и бояр и воевод“, которые вместе и решают, что нечестивого „подобает утоляти дары“. Для этого князь Юрий посылает сына Федора и иных князей к царю Батью „с дары многими и молением великим“ не воевать Рязанской земли. Приняв дары, Батый „охапися лестію“ (ложно обещал) не воевать Рязанской земли, а рязанских князей начал „потѣхою тѣшить“ и просить у них сестер или дочерей себе „на ложе“. Один из вельмож рязанских, „научен бѣсом“, выдает Батью, какова жена у Федора: „от царскаго рода, а тѣлом и лепотою красна зело“; Батый, обуреваемый похотью, просит у князя Федора „видѣти жены его красоту“. Но князь „посмѣялся“ и отвечал: „неполезно нам, христіанам, водить к тебѣ наших жен